

Говоривший был благородного вида мужчиной средних лет. Его раскосые фениксовые глаза казались точной копией глаз Ань Чанцина. Это был его отец — канцлер Да Е, хуо Цзинъань, Ань Чжикэ. Возле него стояла его законная жена, госпожа Ли, со своей служанкой, а за ними выстроилось несколько дюжих слуг.

Ань Фу поспешно упал на колени и принялся докладывать:

— Молодой господин неважно себя чувствует, должно быть, перепил вчерашнего лекарства...

Ань Чанцин с самого начала не хотел этого брака. Хотя в Да Е царили довольно свободные нравы и однополая любовь не была редкостью, ни одного случая, чтобы мужчина брал себе в законные жены мужчину, в истории государства еще не было. К тому же Бэйчжань-ван Сяо Чжигэ пользовался в Ецзине дурной славой. Поговаривали, что у него непредсказуемый нрав, он жесток и кровожаден, а из его поместья каждый месяц выносят забитых насмерть или искалеченных слуг. Пусть Ань Чанцин был лишь нелюбимым сыном от наложницы, но становиться мужчиной-ванфэй для Сяо Чжигэ и до конца дней жить в постоянном страхе за собственную жизнь он вовсе не желал.

Единственное, о чем он мечтал, — это успешно сдать экзамены, поступить на службу и заботиться о матери с сестрой.

Но сватовство Бэйчжань-вана разрушило все его планы.

Ань Чанцин пытался сопротивляться, но получил лишь порцию порошка, лишаящего сил. Проглотив снадобье, он потерял возможность двигаться и пребывал в полубессознательном состоянии. Служанкам оставалось лишь нарядить его, точно деревянную марионетку, в ярко-красное свадебное одеяние.

— Не стоит суетиться, свадебный кортеж из поместья князя уже прибыл, — Ань Чжикэ взмахнул рукой. Его взгляд ненадолго задержался на лице Ань Чанцина, после чего он добавил: — Помогите третьему молодому господину выйти.

В полузабытьи на голову Ань Чанцина набросили красное свадебное покрывало-покрывало, а двое слуг подхватили его под руки и повели наружу.

Тело совершенно не слушалось, а в голове царил туман. Лишь на мгновение ему показалось, что державшие его руки были невероятно сильными, а боль в сжимаемых локтях ощущалась до того отчетливо, что происходящее нисколько не походило на сон.

Его усадили в паланкин. Под громкие звуки флейт и барабанов свадебная процессия обогнула весь Ецзин и лишь затем прибыла в поместье Бэйчжань-вана.

В поместье собралось множество гостей. Они переглядывались, обмениваясь смешками и недосказанностями, словно пришли посмотреть на разыгрываемый перед ними фарс.

Родная мать Бэйчжань-вана рано умерла, а когда мальчику исполнилось десять лет, бессмертный мастер из обители Тайцин предсказал ему судьбу: мол, в нем сокрыта слишком тяжелая темная аура и на нем лежат грехи пролитой крови. Из-за этого император Аньцин невзлюбил сына еще сильнее. В двенадцать лет Сяо Чжигэ сам попросился на службу в армию. За восемь лет на границе он прошел путь от рядового солдата до одного из двенадцати генералов Да Е, взяв под свой контроль войска Яньчжоу. Все его почести и слава были завоеваны в горах трупов и реках крови. Имя «Бога войны» Бэйчжань-вана наводило ужас не только на бэйдийцев, но и на простых жителей Да Е, панически боявшихся его жестокости.

Среди горожан даже ходила детская дразнилка: «На небе — бог войны, на земле — злой дух, а в преисподней — Асура». Лишь по одной этой молве можно было судить о жуткой репутации Сяо Чжигэ.

Чем страшнее становилась слава Сяо Чжигэ, тем сильнее его недолюбливал император Аньцин. Однако правителю приходилось полагаться на него в обороне Яньчжоу и противостоянии с бэйдийцами, поэтому, взвесив все за и против, он решил просто закрывать на сына глаза. Сперва император опасался, что у князя возникнут недолжные помыслы о престоле, но тот неожиданно отверг брачный союз, предложенный вдовствующей императрицей, заявив, что предпочитает мужчин, и попросил позволения взять в законные жены третьего сына канцлера Ань. Поступок был диким, но именно он успокоил императора.

Сменив гнев на милость, император Аньцин даже повелел Палате императорского рода как следует подготовиться к торжеству. Свадьбу в поместье Бэйчжань-вана сыграли с небывалым размахом — пышнее, чем даже когда женился наследный принц. Вот только пришли ли гости с искренними поздравлениями или желая лишь поглазеть на позор Бэйчжань-вана, знали только они сами.

Пока за пиршественными столами звенели кубки, некоторые гости втихомолку сокрушались о судьбе третьего молодого господина из резиденции канцлера. Жаль было эдакого красавца, попавшего в руки жестокого Бэйчжань-вана: неизвестно, каким истязаниям тот его подвергнет и сумеет ли несчастный дожить хотя бы до конца первой брачной ночи.

К слову, этот третий молодой господин и сам был весьма известен в Ецзине. Его мать была наложницей канцлера Ань, а в прошлом — первой красавицей и искусной певицей в крупнейшем публичном доме Ецзина, обители Цюаньфан. Она отличалась пленительной, чарующей красотой, обладала изящными манерами, отлично пела, танцевала и славилась недюжинным талантом. Ань Чанцин унаследовал прекрасные черты матери: в детстве он был прелестным и милым ребенком, а повзрослев, превратился в невероятно статного и привлекательного юношу. Вот только за безупречной внешностью скрывалась лишь пустышка — ходили слухи, что он однажды прогневал учителя и тот выгнал его из родовой школы.

Гости сокрушались лишь на словах, тогда как на их лицах читалось животрепещущее любопытство. Все внимательно наблюдали за тем, как сваха помогает Ань Чанцину, накрытому красным покров-покрывалом, сойти из паланкина.

Скрытый плотной тканью, Ань Чанцин мог видеть лишь небольшой пяточок земли под ногами. Туман в его голове к этому времени слегка рассеялся, а слабость в теле отступила. Сейчас его переполняли сомнения, но он не смел действовать опрометчиво, позволяя свахе вести себя вперед.

Едва он твердо встал на ноги, как перед ним возникла ладонь с крупными, четко очерченными костями. Пальцы были довольно широкими, а подушечки и ложбинка между большим и указательным пальцами сплошь покрыты мозолями — сразу видно, что эта рука привыкла держать оружие. Чуть выше виднелся широкий рукав ярко-красного свадебного наряда с золотой каймой, а остальное скрывал красный покров.

Это была рука Сяо Чжигэ.

Сердце Ань Чанцина заколотилось как бешеное. Он вспомнил: в тот день, много лет назад, ему точно так же протянули эту руку. Но в то время его душа была полна обиды и страха перед неизвестным будущим. Не смея выказать гнев Сяо Чжигэ, он лишь молча отверг протянутую

ладонь.

Тогда он даже не удосужился как следует рассмотреть эту огрубевшую, познавшую немало суровых испытаний руку.

Ань Чанцин слегка сжал губы. Ему вспомнились годы после его собственной смерти, когда он в виде духа видел императора, в одиночестве пьющего вино во дворце Циу — с тоской и бесконечным безмолвием в глазах.

Каждой судьбе свой черед. В прошлой жизни он выбрал самый тяжелый путь, причинив боль и себе, и другим. И хотя он не понимал, почему снова оказался в день их свадьбы, Ань Чанцин хотел попробовать пойти иной дорогой.

Прежде чем рука успела опуститься, Ань Чанцин медленно, но уверенно сжал ее своей ладонью.

Ладонь и вправду оказалась шершавой, как он и представлял. Мозоли слегка покалывали кожу, но в то же время от этого прикосновения веяло надежным, успокаивающим теплом.

Ощутив мягкость чужой ладони, Сяо Чжигэ уловил в глубине своего бездонного взгляда странную вспышку. Хмурая тень на его лбу слегка рассеялась, а уголки жестких губ едва заметно дрогнули в подобии улыбки.

Они дошли рука об руку до главного зала и лишь там отпустили друг друга, взявшись за противоположные концы красной шелковой ленты.

Распорядитель-евнух выкрикнул тонким, пронзительным голосом:

— Первый поклон Небу и Земле!..

Они стояли бок о бок, соединенные красной лентой, и под торжественный возглас одновременно склонились в поклоне...

После завершения обряда новобрачных в окружении свиты проводили в покои. Главная спальня в поместье князя уже давно была убрана с особой пышностью: повсюду висели красные ленты и украшения, создавая праздничную атмосферу. Когда они сели на край супружеского ложа, сваха поднесла изящное золотое коромысло-весы:

— Прошу жениха снять с невесты покров!

Однако Сяо Чжигэ не спешил брать весы. Он лишь тяжело смотрел на сидевшего подле него человека, о чем-то напряженно размышляя.

Не получив ответа, сваха на мгновение замерла с застывшей улыбкой, а затем осторожно напомнила:

— Князь?..

Сяо Чжигэ словно очнулся от оцепенения. Бросив на нее короткий взгляд, он сухо произнес:

— Ступайте.

Сваха, давно наслышанная о его свирепом нраве, видела, что на лице князя в брачную ночь нет и капли радости. Решив, что Бэйчжань-ван попросту недоволен новым мужчиной-ванфэй, она

не посмела спорить. Сочувственно глянув на Ань Чанцина, женщина отложила золотое коромысло и поспешно увлекла за собой остальных слуг, даже заботливо прикрыв за собой дверь.

Оставшись в спальне, Сяо Чжигэ не стал браться за весы, а просто сдернул мешавший ему красный покров. Увидев, что Ань Чанцин одет не в женское платье, а в мужской наряд, он слегка расслабился. Нахмутив брови, князь словно раздумывал, с чего начать разговор, пока наконец не произнес сухо и внезапно:

— Ты голоден?

Ань Чанцин удивленно воззрился на него. До этого он сидел опустив голову, но теперь поднял взгляд и принялся внимательно рассматривать человека перед собой — своего новоиспеченного мужа.

На протяжении долгих лет в прошлой жизни они с Сяо Чжигэ жили каждый сам по себе, и Ань Чанцин ни разу толком не всматривался в этого человека, о котором ходили слухи как о жестоком монстре. И лишь теперь, разглядывая его вблизи, он понял, насколько тот на самом деле красив. Сейчас Сяо Чжигэ был всего лишь нелюбимым сыном императора — в глазах придворных он казался отвергнутым принцем, почти потерявшим права на престол, а в глазах народа — «Богом войны», способным безжалостно уничтожать десятки тысяч душ.

Однако прямо сейчас Ань Чанцин, вглядываясь в его черты, видел перед собой лишь юношу, едва достигшего совершеннолетия. Хотя его лицо выражало крайнюю суровость и строгость, в нем еще не было той леденящей жестокости, от которой в будущем дети заходились от плача. Густые брови напоминали лезвия мечей, между ними залегала едва заметная складка, глазницы были чуть глубже обычного, а темные зрачки казались бездонными омутами. Высокий переносица и тонкие губы придавали его облику врожденное величие и благородство.

<http://bllate.org/book/18381/1767584>